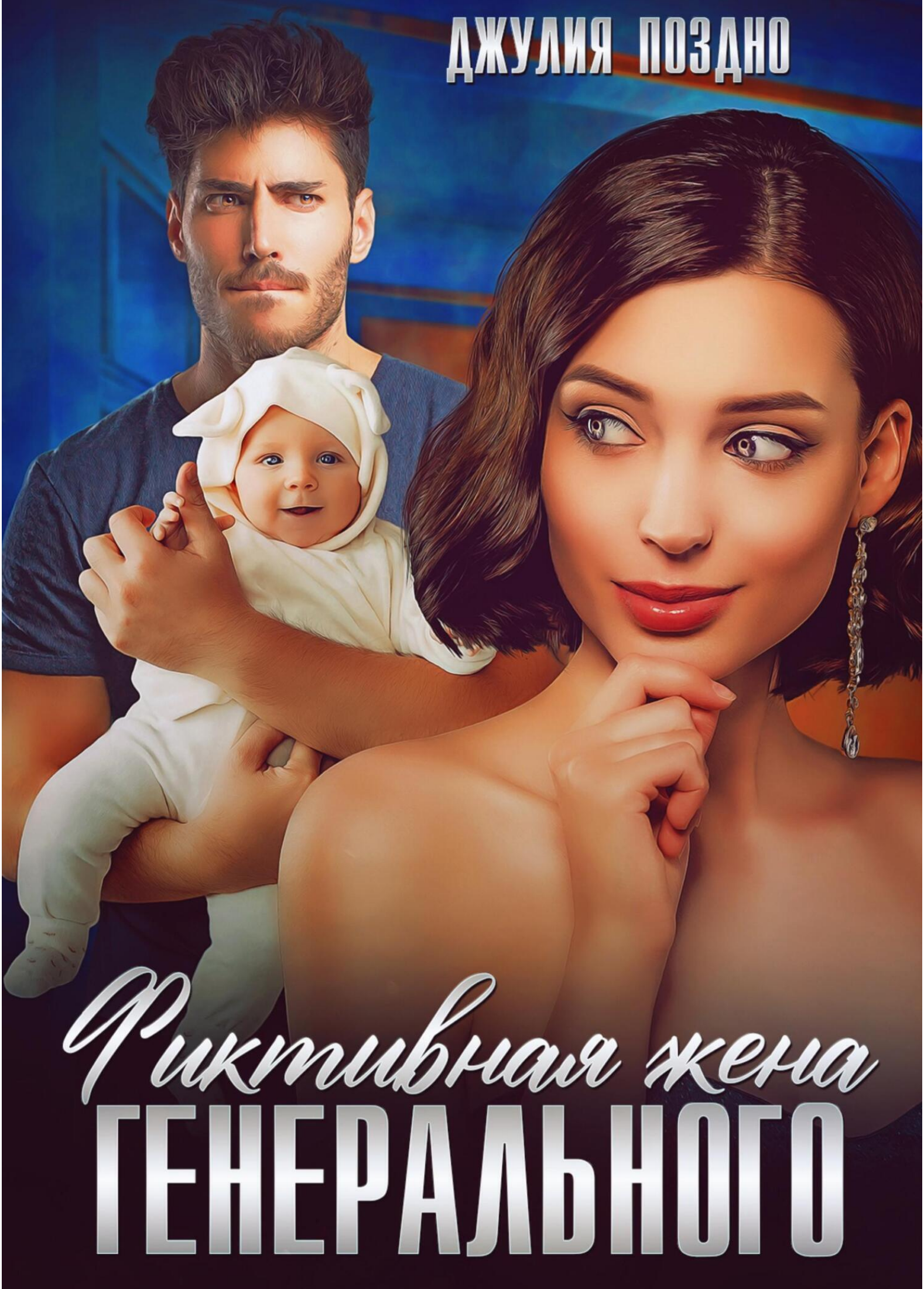
ДЖУЛИЯ ПОЗДНО

Фиктивная жена генерального

Джулия Поздно

Фиктивная жена генерального

«Автор»
2024

Поздно Д.

Фиктивная жена генерального / Д. Поздно — «Автор», 2024

Могла ли я подумать, что Макс Ржевский, наш новый генеральный, тот самый незнакомец из лифта?! И под маской железного человека, крупного инвестора, владельца огромного холдинга скрывается настоящий мужчина, который умеет быть заботливым...Сейчас нас связывает фиктивный брак и договорные обязательства, а еще маленький Зайчик, которого подкинули генеральному прямо под дверь в корзинке с коконом для новорожденных.

© Поздно Д., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 18
Глава 4 23
Глава 5 28
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Джулия Поздно
Фиктивная жена генерального

Глава 1

– Так девственницей и помрешь! – Тим злобно бросает мне в спину, когда я полуголая и вся пунцовая вылетаю из его элитной квартиры.

С вещами в руках, которые успела захватить.

Помру, но это не точно.

Но таких отношений на раз не хочу! Он сам виноват. Я же поверила, что с ним можно рискнуть. Что он любит меня. Доверилась, а теперь вот…

Впопыхах надеваю свитер через голову, когда бегу по направлению к лифтовому холлу, пока никто не застукивает меня в неглиже. Судорожно бью по кнопке вызова лифта.

Стою. Не дышу. Чувствую, как по телу идет мелкая дрожь.

На этаже раздается звуковой сигнал. Двери лифта открываются.

Когда я собираюсь сделать шаг, то натыкаюсь внутри кабины на мужчину с грудным ребенком на руках.

– Вам вниз? – чуть ли не кричит на меня незнакомец, когда уточняет, не перепутала ли я, куда еду.

Ребенок попискивает. Надрывно плачет. Уже весь красный от натуги.

Я замечаю, что у малыша забавный костюмчик с капюшоном с ушами как у зайца. На ножках милые белые носочки с коровками.

– Вниз, – киваю, прохожу внутрь и в нерешительности застываю на месте.

Наконец, опомнившись, я нажимаю на первый этаж.

После того как двери лифта закрываются, кабину резко дергает вверх. Свет гаснет. Темнота поглощает нашу случайную троицу.

Мужчина не выдерживает:

– Твою ж… – раздается недовольный голос и тут же замолкает, потому что право высказаться берет на себя Зайчик.

Малыш очень старается. Оповещает присутствующих о чем-то важном. А мы, взрослые, тупим и не понимаем его.

– Может, вам его покачать? – предлагаю самый распространенный вариант из всех известных.

Незнакомец пыхтит. Молчит. Не отвечает. В общем, игнорирует.

Затем я ощущаю легкую тряску кабины. Вероятно, этот высокий и довольно мощного телосложения человек решает прислушаться к моему предложению. Все-таки, как-никак, я женщина. Материнский инстинкт у нас в крови.

Но спустя минуту жалких попыток по успокоению грудничка мой вариант проваливается с треском, потому что Зайчик чем-то опять недоволен.

Возможно, темнотой?

Я стараюсь абстрагироваться. Не моя проблема. Хочу достать телефон и подсветить панель с кнопками, чтобы вызвать лифтера, но понимаю, что сумку я удачно забыла в квартире Тима.

– У вас есть телефон? – задаю вопрос как можно громче, прорываясь через неостанавливаемый плач ребенка.

– Есть. Дома, – цедит каждое слово мужчина.

Не везет так не везет.

– Вы здесь живете? – спрашиваю в надежде, что незнакомец знает панель с кнопками лифта как родную и сможет по памяти найти ту самую – желтенькую, которая нас соединит с диспетчером.

– Нет. Просто катаюсь.

– Что вы в самом деле! – уже не выдерживаю я и делаю ему замечание. – Если мы не выберемся отсюда в самое ближайшее время, то, вероятно, потребуется скорая.

– Кому это?

– Ну явно не мне…

Хотя, чего греха таить, мне тоже не помешает успокоиться после всего пережитого, но в такой обстановке я даже собственных мыслей не слышу.

– Уа. Уа. Уа.

Зайчик явно боится. Прихожу к такому умозаключению и решительно, но на ощупь иду к мужчине.

Осторожно касаюсь кофточки ребенка.

– Руки уберите! – гаркает этот альфа-истерик. – Откуда я знаю, что вы ими делали?!

И вот я сейчас даже готова обидеться. На его тон. И грязные намеки.

– Ну как хотите, – проговариваю и уже собираюсь развернуться и пойти бить вот этими самыми руками по всем кнопкам.

Вдруг оно так сработает – и диспетчер выйдет на связь.

Зайчик явно настроен изучить ораторское искусство на все сто процентов. Он берет еще на тон выше, и даже у меня начинает противно пульсировать в висках.

– Стой! – командным голосом останавливает меня незнакомец. – Есть идея лучше?

– Да, я беру ребенка на себя, а вы нас спасаете. Желательно быстро. Я в вас верю! – зачем-то последнее ляпаю бездумно.

Ну надо же как-то замотивировать эту скалу мышц, которую я успела рассмотреть у него под футболкой.

Кстати, о ней. На дворе зима. А он в таком виде. Ладно я! У меня были на то причины, а он-то? И ребенок легко так одет, в одном костюмчике…

– Бери, пока не передумал, – практически рычит где-то у меня над макушкой.

Практики у меня с такими малышами вообще ноль. Ни сестер, ни братьев. Но я как-то приспосабливаюсь, вспоминая подругу, у которой недавно была в гостях. Светка совсем недавно выскочила замуж, а уже нянчится со своим ребенком, успев родить.

Я целую Зайчика в крохотную головку, спрятанную под капюшоном. И слегка покачиваюсь из стороны в сторону, напеваю колыбельную, которую включала подруга не так давно.

***

– Что вы там возитесь? – шиплю на мужчину, а сама уже понимаю, что не вывожу.

Зайчик приснул на моих руках. И я боюсь пошевелиться. Жутко затекла спина, и пальцы занемели. Ребенка было бы лучше переложить в кроватку, на худой конец – в переноску.

Я стою и чувствую, как на сгиб локтя малыш уже начинает пускать слюни.

– Что, уже спит? Не может быть!

– Может, – с гордостью утверждаю я и немного продвигаюсь вперед.

– Я три часа не мог его угомонить, – он озадаченно проговаривает, затем мужчина начинает поочередно нажимать кнопки на панели. – Черт! Не работает, заела.

– Что значит заела? Вас не учили силу распределять? Зачем же так вдавливать…

Зубной скрежет в темноте очень красноречив. Похоже, кто-то конкретно бесится. На меня.

Но если два взрослых человека еще могли бы договориться и найти компромисс, наверное, то ребенку фиолетово.

Природа берет свое. Шумный залп со стороны подгузника и подозрительное внезапное тепло на моих ладонях запускают обратный отсчет.

– Это что?

– Оно самое, – расстраиваю мужчину. – У нас есть от силы минут двадцать-тридцать. Не больше.

Я тоже иногда ошибаюсь. Как сейчас.

И поэтому после непродолжительной возни нашего спасителя от силы проходит минуты три, и раздается счастливое приветствие недовольного ребенка. Его сон прерван. А два неразумных взрослых до сих пор стоят в темноте в замкнутом пространстве.

– Отойдите к стене и держите его покрепче, – командует незнакомец. – Лучше взяться за поручень.

Я молчу. В голове много мыслей, и все они неприличные. Хочется много ругаться. Тим владел матным идеально, особенно когда он был за рулем своего красного спорткара.

Но сейчас я хочу отсюда выбраться, а главное – еще нужно решить, как вернуть свою сумку.

Придется унижаться и звонить Матецкому. И не факт, что я получу желаемое. Тим не умеет проигрывать и вряд ли откажется взять реванш.

Каким-то чутьем понимаю, что лучше выполнить все так, как просит этот незнакомец. И когда я прислоняюсь спиной к стене кабины, упираюсь хорошо ногами в пол и берусь за поручень, замираю оттого, что этот девяностокилограммовый человек-чудак прыгает вверх, а затем приземляется на обе ноги.

Кабину снова трясет, на мгновение мигает свет, и наши взгляды скрещиваются.

Мой говорит о том, что мужчина идиот; его встречный – что я сама дура.

Кстати, Зайчик адекватно оценивает происходящее и дает новый залп.

И когда я уже собираюсь открыть рот и выдать этому спасателю все, что о нем думаю, двери лифта расползаются в стороны, но не до конца. Щель сантиметров на десять. Позволяет увидеть, что мы застряли между этажами, и если удастся ее сделать больше, то наше спасение не кажется уже таким далеким и невозможным.

Мужчина словно читает мои мысли, поэтому подходит к дверям лифта и начинает их раздвигать.

Все удается, но не сразу. И можно радоваться, но только не все так просто. Чтобы выбраться наружу, придется прыгать, чтобы попасть на нижний этаж, и вот тут большой вопрос: как это сделать?

Допустим, первым сиганет вниз незнакомец, но расстояние не позволяет мне ему спокойно передать самое ценное – ребенка.

Если же поменяться местами, то это не решит основную проблему, и даже с учетом длины рук мужчины мы выигрываем всего несколько сантиметров. Вообще не вариант.

– Ваши предложения? – задаю ему вопрос в лоб.

Пусть тоже напряжет свои извилины, если они у него, конечно, имеются. Ну, или хотя бы одну.

Но время идет, а предложений не поступает…

И тут я даже уже начинаю сомневаться в том, что мужчина действительно проживает в этом элитном жилом комплексе. С таким тугим мышлением не заработал бы, а учитывая, что он и на девушку не особенно тянет, и в подарок такую квартиру тоже не мог получить, а следовательно…

Но додумать я не успеваю, так как меня озаряет. Да. Со мной и так тоже бывает.

– Держите ребенка, – уже командую я.

Он послушно берет, а затем начинает фыркать, потому что наш Зайчик уже не просто милашка-малыш, а вонюченький цветочек, который вдобавок к этому благовонию еще и плачет.

Я выдыхаю и начинаю снимать кофту. Хорошая такая кофта. Была. Шерсть мериноса, молния со стразами в горловине. Мне будет ее очень не хватать. Между прочим, я ее купила на свою первую зарплату после института.

На бывшей, видимо, уже работе, потому что Матецкий там заместитель директора. Под папой ходит.

Но мне это не помешало сделать попытку пойти против убеждений и стереотипа, что богатые парни не женятся на девушках не своего круга.

Увы. Очередную дурочку, то есть меня, слили, подрезав крылья еще на подлете.

– Вы с ума сошли? Что вы делаете? – громыхает над ухом таким приличным басом, что я даже успеваю вздрогнуть.

– Спасаю. Нас. И его.

Я аккуратно пропускаю свитер размера оверсайз под крохотным тельцем малыша. Рукава перевязываю так, чтобы через небольшую щель в этом узле пропустить еще одну вещь.

И вот тут незнакомца уже начинает трясти и конкретно так несет оттого, что он осознает, что дальше будет происходить. Так как я со всей серьезностью руками тянусь к крючкам своего бюстье.

***

Меня мало заботит, что его кроет от моего поведения. Речь же идет о спасении ребенка. Поэтому я не останавливаюсь. Темнота меня делает смелее и раскованнее.

– Если вам так мучительно больно видеть это, отвернитесь или зажмурьтесь.

Он так и делает. Разворачивается спиной и начинает покачивать ребенка.

Когда дело сделано, я завершаю свою задумку. Подхожу к незнакомцу, стучу подушечками пальцев по его широченной спине.

– Еще минута, – высовываю кончик языка, когда старательно пропускаю лямки бюстье в узел. – Готово! Теперь вы можете прыгать, а я вам аккуратно его спущу.

Мой фантастический замысел удается.

Мужчина осторожно принимает малыша в импровизированном гамаке из моего свитера и бюстье.

– Ну, а теперь ваша очередь, – он командует, и я все же считаю, что ум не его главное качество.

– Теперь вы быстро идете с ребенком домой. Кладете его в кроватку и возвращаетесь ко мне с вещами. А дальше уже как-нибудь сами.

Да. Вот так. Идеально.

Он послушно кивает. Я остаюсь в лифте одна. Мне, конечно, очень холодно. Приходится скрестить руки на груди, чтобы хоть как-то согреться.

Незнакомец радует своей дисциплинированностью – не проходит и пяти минут, как он уже стоит рядом.

– Вещи не долетят. Слишком легкие. Вам придется прыгать.

И я, не раздумывая, делаю это.

Мужчина очень легко меня ловит. У него красивые и сильные руки. Я даже успеваю заметить пару венок, бегущих к пальцам из-под рукава футболки, которая плотно обтягивает его бицепс.

– Я – Макс, – называет свое имя мужчина, и я вижу, как его зрачок увеличивается, затапливая радужку пленительных синих глаз.

Его большая ладонь удерживают мою спину справа. В другой руке у него мой свитер. От таких жарких прикосновений по коже разливается беспощадный жар. А тело начинает вновь бить мелкая дрожь.

– Владислава, – тихо роняю, потому что немного теряю реальность.

– И как лучше?

– Что?

– Влада или Слава?

– Кому как нравится…

– А тебе лично? – он проговаривает это настолько проникновенно своим брутально-бархатистым баритоном, что я стою обалдевшая еще какое-то время.

– Владислава, – выдаю быстро, а затем вспоминаю, что у него же дома ребенок, один. – Спасибо, что нас спасли, Макс. А теперь, если позволите, я бы оделась, не лето.

И когда я отстраняюсь от мужчины и забираю свои вещи, откуда-то сбоку раздаются аплодисменты.

Мы с Максом рефлекторно как по команде оборачиваемся, а там стоит Матецкий собственной персоной с моей сумкой в руках, в трико, с обнаженным торсом.

Он впивается в меня убийственным взглядом, не сразу обращая внимание на моего спутника, и выдает первое, что на язык легло:

– Ломалась столько, а тут вот оно что!

Я внутренне сжимаюсь, потому что понимаю, как это выглядит со стороны.

Широкий лифтовой холл. Мы в обнимку, и я полуголая…

Макс на удивление не тушуется, а разворачивается к Тиму лицом и закрывает меня своей широкой спиной.

– Опа, Ржевский! – Матецкий быстро достает из кармана штанов смартфон и делает несколько снимков.

– Телефон убрал, – жестко и требовательно проговаривает Макс.

А я стою, выглядываю из-за плеча мужчины и не понимаю, что происходит.

– Разбежался! – с вызовом бросает в ответ Тим, а затем к нашим ногам летит моя сумка, в которой с дребезгом что-то разбивается.

Вот же козел.

В сумке духи из лимитированной коллекции, мама подарила на день рождения. Она так хотела меня порадовать, что скопила со своей небольшой зарплаты денег и сделала эту дорогую покупку.

А теперь вот…

Все, что внутри, можно смело выкинуть, и, наверное, даже документы не смогу восстановить.

– Сволочь! – кричу из-за спины Макса. – Урод!

Тим ухмыляется, а затем выдает то, от чего я краснею до самой макушки:

– Строила из себя недотрогу, отшила, не дала… Ну да, любовницей Ржевского быть выгоднее, – подытоживает всю ту мерзость, что сейчас вылил на меня как из ушата.

И так становится обидно…

Я ловко огибаю Макса и несусь на Матецкого с одним лишь желанием – ему врезать, а еще лучше отбить то самое, чтобы не страдал сильно.

На середине пути меня отлавливает Макс, вырастая горой между мной и Матецким. Затем спокойно, не сильно агрессируя, говорит Тиму:

– Антону Сергеевичу привет. Надеюсь, он помнит все по ситуации насчет обязательств и обеспечения инвестиционного контракта от «ЛесИндастрис»?

И вот тут мерзкая ухмылка Тима сползает с лица, глаза начинаю бегать, а кожа лица заливается краской до самых кончиков ушей.

– Извинись перед девушкой, гоблин!

И вот этого спокойное «извинись» меня обескураживает: «А что, так можно было?»

– Извини, – цедит Тим.

– Мало, – цокает Макс. – С тебя причитается за порчу имущества, – играет бровями мужчина.

– Издеваешься, – злобно шипит, – чтобы я тут еще бисер метал перед этой?

В общем, мирно не получилось. Пока мужчины обменивались любезностями, я просто заехала этому идиоту между ног.

– Зараза, – сложился пополам Матецкий.

***

Макс без слов меня оттаскивает от Тима. Затем неожиданно поднимает на руки и закидывает себе на плечо.

– Отпусти, – тарабаню кулаками по его спине. – Слышишь? Поставь меня на место, – требовательно повторяю и жду реакции.

Но кто бы слушал!

Просто какой-то дикий варвар, а не мужчина. Схватил свою добычу и тащит в пещерку.

Пещерка, кстати, очень просторная. Целый этаж. Перекроенный по индивидуальному проекту. Чувствуется, тут приложил руку один из лучших дизайнеров города.

Мраморный пол, серые стены, стиль хай-тек, перемешанный с брутальным лофтом.

Все-таки не пещерка – берлога!

Денег на ремонт варвар не пожалел.

Но главное в другом: здесь не только не ощущается женской руки и ее присутствия, но и совершенно в такую обстановку не вписывается Зайчик.

Макс уверенным шагом проходит по коридору, потом свободной рукой нажимает на ручку и ногой толкает дверь, как оказывается, в спальню.

Кровать размера кинг сайз с теплом принимает меня в свои объятия, когда мужчина меня аккуратно снимает с плеча и усаживает.

– Спокойно оденешься. Сделаешь себе чай. Можно воспользоваться туалетом. Дальше решим.

Смотрит странно. С осуждением, но не враждебно.

Наверное, думает, за что ему такой насыщенный денек выпал…

И я ведь думаю вот в точности так же.

Варвар сдвигает надбровные дуги. Хмурится. Молчит. Затем поворачивается и выходит из комнаты.

В такой большой комнате я чувствую себя неуверенно и не к месту. Я едва смогла себе наступить на горло и свыкнуться с тем, что Матецкий живет в элитном комплексе. В квартире, которая уступает разве что королевским апартаментам. А теперь вот… целый этаж в распоряжении одного дикаря.

Я вспоминаю, что мое тело до сих пор без свитера. Бюстье я удачно потеряла где-то на подлете к Тиму, когда заехала этому самоуверенному гаду промеж ног.

А вот не надо языком нести грязь. Надо уметь признавать свое поражение.

Немного остыв, я поднимаюсь, решаю найти кухню и по пути прислушиваюсь, чтобы обнаружить Зайчика.

Малыш кряхтит где-то поблизости. Мне становится ребенка очень жалко. Из-за одной нерадивой мамашки Зайчик перенес сильнейший стресс. На руках чужого дядьки (потому что на отца не катит) прокатиться в лифте, застрять.

Я вспоминаю, что ребенку давно пора сменить подгузник. Нахожу Зайчика, видимо, в гостиной. Он лежит на огромном диване в зоне домашнего кинотеатра. В плетеной корзинке на

коконе для новорожденных. Зайчик такой милаш, хоть бери и сейчас его записывай на кастинг рекламы детских товаров.

Я пытаюсь найти в корзинке хотя бы один запасной подгузник на смену. Начинаю прощупывать рукой, осторожно приподнимаю нижнюю часть кокона и нащупываю рукой какой-то клочок бумажки. Разворачиваю лист большого формата, сложенный пополам.

Я знаю, что читать чужие письма и сообщения нехорошо, но меня распирает оттого, что в наше время кто-то додумался таким нетрадиционным и весьма устаревшим способом сделать внушение получателю.

Любопытство родилось первым, а затем я – Владислава. Сколько раз попадала в неприятности именно из-за этой своей дурацкой черты. Но как бы ни старалась, ничего не могу с собой поделать, поэтому бессовестным образом разворачиваю листок и читаю печатный текст.

О, ну хоть на принтер у дамочки есть деньги, уже неплохо. Жаль, на подгузники она поскупилась.

«Макс, это Мирон, он твой. Я не могу рассказать всего, но, считаю, ты должен знать, что в нем столько же твоей крови, как и в тебе самом…»

И как бы все. Вот такой офигительно большой лист для одного предложения. Не понимаю. Не проще ли было смс прислать? Ну, или видео отправить? Секундное же дело!

И я так погружаюсь в свои рассуждения, что не замечаю возвращения дикаря.

– Тебя мама не учила…

Он собирается меня учить уму-разуму.

Но я не даю. Выставляю руку вперед.

– Избавь от нотаций. Тебе теперь есть кем заниматься, – намекаю на Зайчика.

Макс кивает и ставит рядом мою сумку. Вернее то, что от нее осталось. Матецкий не только угробил все ее содержимое, но и, похоже, после того как меня унес варвар, отвел душу, знатно потоптавшись по ней ногами.

Как я рада, что в самый ответственный момент я струсила. Вот так отдашь девственность эгоисту мажору, потом сопли на кулак наматывай. А мне вот не надо такого. Я собираюсь работать, ну, или искать новую… Неизвестно, что меня ждет в офисе, когда я выйду после этих незабываемых выходных.

– Что ты собираешься делать? – Макс заглядывает в корзинку. – Он вроде успокоился.

– Раздражение будет, если не сменить подгузник.

– Я совершенно не понимаю в этом, может, ты?

– Я тоже нет. Хотя!

Я кидаю записку на диван и в надежде копошусь в рваной сумке, чтобы найти свой телефон. Какое счастье, что на распродаже приобрела противоударный корпус.

– Све-е-т, – тяну, когда после двух гудков подруга отвечает на звонок.

– Приветик.

– Выручай, – дышу в трубку. – По видеосвязи можем поговорить?

– А что случилось?

Я не дожидаюсь ее разрешения и перехожу на видеовызов.

– У меня вот!

– Это кто?..

– Дед Мороз, – я слышу, как Макс многозначительно хмыкает. – Ребенок, Свет. Как думаешь, ему сколько на вид?

– Ты что, его украла? – не унимается Светка, округлив глаза.

– Еще есть варианты?

– Ты решила подработать и устроилась няней?..

– Мимо. Некогда объяснять. Просто скажи, там же на подгузниках цифры какие-то…

– Ага, таблица умножения, – откровенно высмеивает мой вопрос подруга.

Я слышу за спиной, что Макс уже не просто хмыкает, а откровенно ржет. Тоже мне, нашел клоуна. Весело ему. Лучше бы думал, что будет делать дальше.

– Ладно, – смилостивилась Светка. – Кажется, ему месяца три, на первый взгляд, а на второй – лучше его взвесь.

– Это еще зачем, – смотрю на подругу и не понимаю, что она несет…

Зайчик не арбуз, чтобы его взвешивать.

– Владка, ты такая умная всегда, а сейчас тебя не роняли случаем, может, сотрясение? Ты чего это человеческую речь перестала понимать?

– Да блин… – возмущаюсь. – Что за день такой?! – задаюсь чисто риторическим вопросом.

– Влад, его нужно взвесить, чтобы точно понять, какие брать. Подгузники разные, как и дети.

– Я поняла. Спасибо.

Сбрасываю звонок.

– Ну что, спасатель, давай дуй в магазин за весами. А я пока его вымою. Есть клеенка или пеленка?

Дикарь встает и молча выходит в другое помещение, затем притаскивает дорогущую коробку с новым постельным бельем.

– Вот. Только это.

Ну чудненько! Придется Зайку снова на руках носить, пока этот здоровый дядя закупит все необходимое…

И вот не знаю, почему я просто не вызвала такси и не уехала.

А вместо этого стою в незнакомом доме и проявляю заботу о чужом малыше…

Глава 2

Макс

Я подъезжаю к круглосуточному гипермаркету. В руках телефон. А в мессенджере список всего необходимого для ребенка.

Ух ты ж, до сих пор трясет… Оттого, что в моем доме эти двое.

Но если девица с прибабахом несильно пугает, то орущее нечто – очень, так очень, что я склоняю на все буквы алфавита ту отмороженную, которая оставила на моем пороге корзину.

Чем я так провинился, сам не знаю. А главное – накосячить не мог… Сто процентов, даже триста. Нет. Это, блин, просто не в моем стиле! Если я и провожу время с женщиной, то моей осведомленности и самодисциплине позавидует любо-о-ой! Защита у меня находится везде, на любой, так сказать, жизненный случай: в кармане брюк, пиджака, пальто; в бардачке моего внедорожника; в прикроватных тумбочках спальни; даже в выдвижном ящике кухонного гарнитура.

Я предусмотрительно себя оберегаю от таких вот корзин. И на тебе, приплыли! Получи и распишись! Знать бы еще, откуда у той цыпы мой адрес. Но пока, как ни прикидываю, не могу сообразить.

Я даже уже напряг свою службу безопасности. А заодно и вставил им по первое число. Охранники, называется. Так и бомбу подкинут – потом сюрприз будет.

Короче, я в бешенстве, лютом.

Захожу в гипермаркет, тянусь рукой к тележке. Это просто сюр какой-то: я и магазин…

Обычно этим занимаются мои посменные повара и прислуга, а сегодня ровно один день я решил провести в одиночестве …

Отдыхай, Макс! Замечательный выходной…

И пока мое недовольство ничто не может перекрыть, я злой как черт бреду между торговых прилавков и читаю список: детская смесь «единица», весы, подгузники и та же нумерация, от которой рябит в глазах.

Мне бы сейчас в отдел горячительного и взрослого, но вместо этого я хожу и соображаю «че купить».

– Вам помочь? – неожиданным образом ко мне подруливает девушка-консультант, и я даже прикрываю глаза в удовольствии, что надо мной сжалились и решили сориентировать в этом мире детской неожиданности и розовых пони.

– О да, – сразу как-то воодушевляюсь и тычу в лицо девушке список.

Давай, детка, спасай меня, а то дядя Макс сейчас скончается прямо здесь. Уже так и вижу эти заголовки во всех блогах: «Бизнесмен Ржевский отдал концы в детском отделе гипермаркета!»

Конечно, конкуренты будут вне себя от счастья, а мне что-то такие нерадужные перспективы совсем не подходят. Поэтому морду лица делаю кирпичом и внимаю тому, что говорит эта милаха-консультант.

«Купи сладенького».

Прилетает новое сообщение, и я начинаю постепенно звереть.

Нельзя людей спасать! Они потом наглеют, причем очень быстро. Вот так и эта мадам.

Я снова перечитываю ее сообщение и вспоминаю, что у девушки телефон после всех прыжков бывшего зависает и вообще еле работает. А еще этот упырь не вовремя – сынок Матецкого, который мне давно задолжал, да так, что будет обязан и в следующей жизни.

Моя совесть подталкивает к совершенно неожиданной щедрости, и я теми же ногами, оплатив товары детского отдела, бреду в магазин цифровой техники.

Я сегодня Дед Мороз прям, от счастья не знаю, какие по счету уже штаны сменить.

Правильно, нефиг ляжки тянуть, работать надо было. А там, может, и обошлось все бы?

Это я так себя пытаюсь успокоить. И вот не получается от слова совсем.

К парковке бреду счастливый. С пятью пакетами, забитыми под завязку, а в самом мелком лежит последняя модель крутого смартфона.

***

– А сладенькое?.. – дуется эта милаха.

Я молча прохожу на кухню и начинаю разбирать покупки.

Она сканирующим взглядом оценивает содержимое пакетов.

– Все-таки не купил…

– Чего?

– Ну шоколадку хотя бы, стресс заесть. Я тоже не каждый день провожу подобным образом.

Я киваю. Согласен. Если бы каждый день так проводил я, то уже бы с ума сошел.

– А где ребенок?

– Спит, – девушка ведет плечом, как будто я спрашиваю какую-то глупость и нелепость.

– А как же взвешивание?

– Потом. Я бы выпила кофе, – она сидит, склоняет голову набок и переводит взгляд на кофемашину.

Я негодую. Да.

Пришла. Сидит. Намекает, чтобы я… что? Ей. Сам. Кофе варил. Да я себе… и то по праздникам.

– Не выйдет, – беру банку со смесью и читаю инструкцию. Игнорирую Владиславу. – Блин, годовой отчет по холдингу проще, чем эта абракадабра.

– Ну тогда я пошла, – язвительно проговаривает девушка. – В понедельник на работу. Надо выспаться.

– В смысле?

– Какой прием, такой и ответ, – эта язва намекает вновь на горячий напиток.

Я делаю вид, что не понимаю, о чем это она. Перечитываю инструкцию: «В соответствие с возрастной таблицей необходимое количество мерных ложек сухой смеси…»

Короче, взрыв мозга.

– Кофе так кофе, – отдаю этой ехидне банку, а заодно бутылочки, нагреватель и стерилизатор, ну, и весы, конечно, а к ним пеленки-распашонки и пакеты с подгузниками. – Властвуй, женщина!

Причем я вполне серьезно. Мне проще на финансовых рынках бои устроить, добить конкурентов, а не это все…

Владислава, скользя по моему мраморному полу, скрывается в гостиной, а я подрабатываю баристой в собственном доме.

Вожусь с мерным стаканом и водой, выбираю крепость (девочкам послабее), регулирую давление и чувствую уже себя практически Богом в искусстве по заправке этой жуткой машины.

– Ма-а-акс, а у тебя есть контакты клининговой компании?

Малыш явно проснулся, потому что, как только после Владиславы я слышу детский плач, меня немного передергивает, а затем из рук вылетает панарелло, которым я только что предпринимал попытку взбить молоко.

– Зачем? – хорошие слова заканчиваются, перехожу на отборную ругань, пока я нахожусь вне зоны действия женщин и детей.

– У нас тут сюрприз новый! На твоем диване.

Не-е-ет, только не диван! Бросаю кофе и несусь к ним.

– Он не специально, – Владислава пытается обелить этого маленького человека, вечно орущего и гадящего на дорогую итальянскую мебель по индивидуальному заказу.

Я недовольно кошусь на ребенка и понимаю, что просто буду гадом, если сейчас сорвусь и начну предъявлять этому засранцу за диван.

Я же тоже был маленьким. И вроде как успокаиваюсь ненадолго. Подумаешь, напрягу прислугу, они уж разберутся. А сейчас хватаю первую попавшуюся тряпку в кладовке своих работников, смачиваю ее водой и беру парфюмированное мыло.

Мне кажется, только так я могу перебить тот едкий запах, что уже впитался в диван.

Пока моя гостья примеряется к подгузникам и пытается разобраться в сложной технологии по упаковке младенца в столь популярное малышковое белье, я делаю вид, как всем доволен – до умопомрачения, оттирая цвет детской неожиданности со своей мебели.

– А кто у нас тут такой хороший проснулся? – щебечет птахой девушка над ребенком, зачем-то улыбается ему и широко округляет глаза, раздувая щеки.

Может, припадочная какая? С сомнением посматриваю на Владиславу. Все же не похожа… Хотя, может, они все такие дурные, когда общаются с детьми?

***

Подгузник выпадает из рук милахи и так точно и прицельно летит под диван. Малец орет, надрывается.

– Чего ему?

– Голоден, наверное, и попа замерзла, – Владислава становится в коленно-локтевую позу и начинает активный поиск белья нашего мальчика-короля.

А я сейчас вот как-то не ожидаю наблюдать девушку в такой позе, поэтому быстро откидываю тряпку в сторону и начинаю медленно двигать диван, чтобы она только так не нагибалась низко, прогибаясь в спине…

– Достала, – радостно оповещает нас двоих о своей находке Владислава.

Так и стоим оба на коленях. Я возвышаюсь скалой над милахой, и она такая маленькая на моем фоне…

И смотрим друг на друга прямым взглядом, не моргая.

И в этот самый момент из недр земли начинает бить горный родник. Да так живо и явственно, что я даже чувствую влагу.

Мать моя женщина, чувствую, взаправду!

И поворачиваюсь по направлению к тому источнику…

Король, оказывается, проводит посвящение нас в рыцарей, только вместо меча у мальца прямой наводкой бьет струя, родничок…

– О, тепленькая пошла, – выдает Владислава, стряхивая с рук капли.

– А-а-а, – рычу раненым зверем и отползаю в сторону.

– Ну что ты как дикий, это всего лишь ребенок! – ехидно замечает девушка, затем она берет на руки эту венценосную персону и несет в мою любимую ванную. – А ты пока вытри пол, – командует уже с новой локации моего дома.

В какой момент эта двоица успела оккупировать мой дом? Это каких-то два террориста-подстрекателя. Может, их кто специально подослал?

Да нет, бред, ну откуда им знать мой адрес, хотя мать-королева нашла, под чьими воротами скинуть наследничка!

Может, кто меня слил? Или уже в соцсетях размещает во имя жуткого плана мести мой домашний адрес: «Мол, приходите, Ржевский заскучал, целый выходной себе устроил в году. Зажрался батенька».

Кошусь в сторону паркета, по которому расползается лужа. И ощущаю себя не очень интересно. Появляется дикое желание вновь свалить куда угодно, лишь бы не быть участником этой подставы.

– Ну вот, наш хороший, – выплывает лебедем из ванной Владислава и несет короля, завернутого в мое чистое полотенце.

– И как это называется? – указываю рукой на свою вещь.

– Дядя у нас тугодум, Зайчик… – издевается милаха. – Забыл, что это называется полотенце. Пеленку! – командует это властная уничижительница.

Я делаю вид, что не слышу, дотираю диван, затем только пол. Иду мыть руки, тряпку – в ведро. Благо, с хозяйственными товарами у моей прислуги нет проблем. Мне только носят отчеты, а я бегло проверяю, чего купили, и вбиваю в свои расходы.

– Пеленку! – требовательно повторяет милаха.

Я роюсь в пакетах, а затем нахожу целую пачку тканевых пеленок.

Когда я возвращаюсь в гостиную, то Владислава уже держит на руках нашего короля в белье.

– Ты умеешь пеленать? – серьезным тоном уточняет девушка.

– Конечно, – иронизирую откровенно, – между собраниями с учредителями и совещаниями с инвесторами бегаю на курсы молодого отца. И в ночи вместо отдыха практикуюсь на будущее.

– Ну, а вдруг, – пожимает плечами милаха. – Я должна была проверить этот вариант.

И я уже жалею, что не сварил кофе еще тогда и что мы не сидим на моей кухне за светской беседой, потому что ближайшие два часа мы смотрим видеоролики из интернета «Как пеленать ребенка».

И кто бы знал, что есть эластичные пеленки и флисовые, а еще спальники и супер-пупер коконы-пеленки. Но нам не повезло, и у нас простая такая, называется «Ржевский беги, пока жив…»

***

Убежать мне удалось недалеко, до кухни. Из-за всей этой беготни я совершенно забываю проверить сообщения и оповещения в телефоне.

Падаю на стул перед барной стойкой. Решаю взять тайм-аут, пока Владислава пленяет маленького будущего мужчину своей улыбкой. И только сейчас ловлю себя на мысли, что у нее не только внешние данные на высоте, но и душевные весьма неплохи. Не каждая бы вот так напряглась, даже в счет благодарности за свое спасение. А она помогает, причем весьма много и без большого страха или брезгливости. Удивительная милаха – добрая и нежная…

Парни мои, безопасники, оказывается, уже успевают нарыть нужную информацию и даже пробить место рождения короля.

Чувствую себя дураком. И чего я как втянулся во все это соплячее безобразие? Давно пора было ребенка отдать правоохранительным органам и опеке. Но все время что-то тормозило конкретно.

Вскрываю первое сообщение, и сразу бросает в пот. Король появился на свет в моем родном городке. Три месяца назад. Подруга милахи не ошиблась, все точно предположила. А затем читаю фамилию матери короля и теряюсь. Убей, не помню такую. Я не любитель беспорядочных связей. И если случалось, то я всегда потом пробивал информацию на девушку, дабы не иметь осложнений после. И все в этой истории как-то не клеится со мной.

По моим подсчетам, срок зачатия выпадает на январь. А там я вообще целый месяц прессовал финнов, добиваясь заключения контрактов, а исходя из данных, предоставленных ребятами, мамашка никуда не выезжала. Зато свалила пречудно сегодня, и в аэропорту ее следы затерялись, потому что девушка уехала по поддельным документам.

– Чего тупим? – раздается мелодичный голос Владиславы.

– В смысле?

– Покажи мне мою комнату.

– С чего бы? Я могу вызвать своего водителя, а он отвезет. Такси еще отличный вариант.

Я чувствую, что она не затевает никакого плана Барбароссы, а просто устала. Но мое мужицкое и холостяцкое требует, чтобы любая особь противоположного пола здесь не ночевала.

– Нет, я никуда уже не поеду, иначе просто сдохну. Ты хочешь взять на свою совесть мою погибель?

– Не преувеличивай, мой водитель может тебя донести на руках, если ты сама не в состоянии.

– Я не в состоянии ехать. И хочу провести остаток выходных с пользой. Хотя бы просто поспать часов восемь.

Хорошее желание. Я сегодня тоже собирался отдохнуть.

А выходит, что сижу и занимаюсь обслугой новых знакомых.

Потом милаха строит кошачий ласковый взгляд – умоляющий, и я сдаюсь. Ну не по-мужски выставлять ее в ночь. Хотя раньше я это делал легко и непринужденно.

– Хорошо, третья комната справа по коридору.

– Можно вопрос? Зачем тебе одному целый этаж?

– Чтобы ты спросила, специально ввалил не один миллион – тебя позлить, – с сарказмом проговариваю и сам от себя в ужасе.

Что же ты, Максим Филиппович, девушку обижаешь, какой толк был в ее спасении? И я не знаю, но что-то творится в моей душе такое, что я совершенно неправильно реагирую на Владиславу. Она уже одним своим видом заставляет меня нервничать. Еще там, в лифте, моргнул свет, она так посмотрела, так посмотрела, что я в этот момент почувствовал себя недотепой и глупым.

Столько в ее выразительном взгляде было эмоций. А еще она фантастически находчивая, не каждая бы придумала такое спасение, а она может…

– Все по фэн-шую. Самодостаточный мужчина с бо-о-ольшими амбициями, – и играю бровями.

А она не понимает моего пошлого юмора и уже явно злится.

– Что ты за человек такой, Ржевский, а? Тебе сложно сказать, что мечтал об этом или престижно и по статусу? В чем сложность говорить ртом простые непритязательные слова?

И уходит. Вот это что и откуда?

Хотя сегодня был сильный ветер с утра, может, она та волшебная нянька? Которая прилетела и все порешала, а заодно научила уму-разуму взрослых?

Постой, а почему с ней не было короля? Где будет спать он?

– Макс, Зайчик в твоей комнате. Ему очень нравятся бо-о-ольшие дяденьки.

Отлично. Превосходно. Замечательно.

Так просто ей удается меня строить в собственном доме и решать, что и как будет…

Я иду и перепроверяю: может, она пошутила неудачно?!

Но нет, какие тут могут быть шутки… Король лежит по центру и ждет, когда я его покормлю, а затем уложу спать.

Глава 3

Меня не мучает совесть, что я Зайчика оставила с Максом. В завершении этого дня я уже просто без сил, мне необходимо немного побыть с самой собой. Что я, собственно, и делаю. Особенно когда прохожу мимо гостиной, сворачивая на глазах у Макса в ванную с блаженной улыбкой.

– Владислава, – обращается ко мне мужчина.

Меня интересует, почему он не входит в число тех, кто любит резать безбожно мое имя, как на то повернется язык? Все вечно жалуются на длину, на то, что в одном имени два и непонятно, какое из них выбрать.

А Макс смог. Нашел вариант, которым до него еще никто не подумал воспользоваться.

Поэтому в благодарность и растущее уважение в его адрес я не игнорирую его обращение.

– Да.

– Он не спит.

– Ну, а кому легко? – заявляю безапелляционно.

– Сегодня ночной няни не будет. Никто из знакомых владельцев агентств по подбору персонала мне ничего толкового не смог предложить.

– Я бы удивилась, если бы было наоборот. И что ты предлагаешь?

– Может быть, ты его все-таки возьмешь к себе?

– Нет.

– Как это нет? Давай я тебе оплачу за ночную смену.

– Спасибо, но я откажусь.

Не сказать, что я не нуждаюсь в деньгах. Иногда даже очень. Но вот то, что свои проблемы он так виртуозно решает спихнуть на меня одну, совсем не вариант.

И, возможно, я бы даже сжалилась над этим серьезным и суровым мужчиной, но сегодня я в праве ему отказать.

Кстати, он уже второй, кому не нравится мой ответ. Сегодня. Но ничего не поделать. Так бывает, не все вращается вокруг денег. И, видимо, для Макса это новый опыт: ребенок, к которому не знаешь как подойти, и женщина еще не соблазняется на деньги.

Я развожу руками и поворачиваюсь на пятках, чтобы достигнуть своей цели – наконец-то помыться.

Макс очень тяжело вздыхает. Давит на жалость. Но я не реагирую, а продолжаю идти к своей цели, в данном случае – к ванной.

– Да что ты за женщина такая жестокая? – кидает обиженно Ржевский мне в спину.

А я из-за плеча проговариваю в ответ:

– Самая лучшая.

Да. Вот так. И нет, я не преувеличиваю. Себя надо любить, а главное – не потерять. Хотя очень и очень иногда мы пытаемся раствориться в другом человеке. С горечью вспоминаю Матецкого. А я ведь практически поверила ему, эх…

Когда я оказываюсь наконец-то в постели, в теле образуется определенная тяжесть. Тяжесть уходящего дня. Веки наливаются словно свинцом, и, не помня себя, я погружаюсь в глубокий сон.

Правда, совсем ненадолго.

Зайчик оповещает в два часа ночи, что чем-то недоволен. Я пытаюсь заткнуть уши руками, затем прикрываю голову подушкой.

Ребенок не замолкает и продолжает раздраженно кричать.

Каково же было мое удивление, когда, войдя в спальню Макса без приглашения, я вижу его спящим и Зайчика, который надрывается рядом.

– Совсем совесть потерял, – говорю громко, чтобы Ржевский не делал вид, что спит.

Но после третьего моего комментария я понимаю, что не все так-то просто. Макс спит, причем богатырским сном. И даже когда я пробегаю пальцами по футболке на его спине, он и не думает двигаться.

Отлично устроился! Мне приходится брать малыша на руки. Первые несколько минут я тихонько его укачиваю, но нет, не помогает. Затем уже с видом профессионала решаюсь на самый отчаянный шаг – его распаковать из пеленок.

Не так страшно, но один день опыта по пеленанию не очень меня обнадеживает. Мне нужен в этом Макс. С ним я себя чувствую более спокойной и уравновешенной. Могу сосредоточиться на деталях и не паниковать.

Замечаю на подоконнике небольшую лейку с водой, забытую кем-то из персонала, и рядом цветочный горшок с лимонным деревом, на котором уже имеются приятные желтого цвета плоды.

Я, пританцовывая, начинаю двигаться с Зайчиком к окну. Малыш на какое-то время замирает в моих руках и даже, как мне кажется, успокаивается. Я останавливаюсь, уже передумав воплощать свой неидеальный план в жизнь, но Зайчику такое положение не нравится. Ему хочется, чтобы тетенька танцевала с ним до утра. И в этом мы с ним совершенно расходимся. К возникшему недопониманию я все-таки решаюсь привлечь Ржевского. Поэтому, оттанцевав туда и обратно, но уже с лейкой в руках, мы с Зайчиком застываем над спящим Максом.

И когда я решительно наклоняю носик лейки, в этот момент мой воинственный, но погруженный в глубокий сон богатырь внезапно открывает глаза…

***

О том о, что в лейке будет какая-то химия, я и подумать не могла…

Макс подлетает на кровати как ужаленный. Орет так, что, глядя на Зайчика, я подмечаю, как малыш морщит носик, затем поджимает нижнюю крохотную губку и тоже заходится, но только в самом настоящем плаче, а не крике.

Зайчик краснеет, личико становится морщинистым, а горячие горючие слезы начинают заливать мне кисти рук.

– Все-таки ты с прибабахом! – доносится из ванной комнаты самое обидное, что можно было высказать девушке, которая помогает как может, практически в поте лица.

Признаться, что я неимоверно сглупила, гордость не позволяет, и поэтому, тяжело вздохнув, я перекладываю малыша поудобнее и освободившейся рукой подхватываю кокон.

– Жжет! А если я ослепну, придушу!

И вот угрозы Ржевского мне уже совсем не нравятся. Я, как нашкодивший домашний питомец, ныкаюсь в самый надежный угол – к себе в комнату, закрывшись изнутри.

Проверяю Зайчику подгузник, после того как осмеливаюсь его все-таки распеленать. Замечаю, что малыш немного вспотел, поэтому быстро нахожу пакет, что предусмотрительно взяла, когда на цыпочках проходила мимо гостиной, пока большой тигра плескался в своей раковине, промывая глаза.

Снаряжаю Зайчика в милый слитный комбинезон, надеваю крохотные носочки на его маленькие пяточки. А затем начинаю снова укачивать.

Вот что мне мешало поступить так же, пока Макс спал?

Глупость моя. Удивительное желание, чтобы мучилась не я одна, приводит меня к совершенно ненужным для меня последствиям.

– Владислава, открой, – почему-то сипит Ржевский, нервно дергая дверную ручку в мою комнату.

– Нет, – быстро отвечаю и отступаю к стене у окна.

А в окно пробивается лунный свет и падает ребенку на личико. Пока я ищу положение поудобнее, чтобы малыш не щурился и глазки не слезились, замечаю, как замок в ручке начи-

нает проворачиваться. Наивно было полагать, что у Макса не будет ключа. Только оттянула свою казнь, не более того.

– Что ты за женщина такая невыносимая? Тебе что, цирка не хватает?! Ты посмотри, что натворила!

Мужчина в несколько широких шагов пересекает пространство комнаты и угрожающе нависает надо мной сверху.

Я тяжело сглатываю, потому что лунный свет падает теперь не только на Зайчика, но и на злобного тигра…

– Это что? – пищу в испуге, когда вижу раздувшиеся веки на мужском лице и заплывшие в две узких щелки глаза. – Может, скорую? – единственное разумное всплывает в моей голове.

Но ответить Ржевский не успевает, потому что как-то подозрительно начинает оседать на пол, закрывая лицо руками и мыча.

Я кладу Зайчика в кокон. Малыш неожиданно успокаивается и начинает с интересом наблюдать за происходящим, активно выпучивая глаза и вращая ими по кругу. Зрелище еще то, но пока важнее разобраться с Ржевским.

– Максим, – дергаю его за руки в надежде, что он догадается их убрать от лица, но мужчина сопротивляется и сипло проговаривает:

– Уйди, лучше не трогай, дай так умереть…

И во мне неожиданным образом просыпается дух горе-спасателя, как и в лифте, а заодно я вспоминаю, что в сумке должна была заваляться последняя таблетка антигистаминного.

Я быстро нахожу лекарство. Бегу за водой. Сую Ржевскому спасительную пилюлю, а он только что не заходится от моих действий в бешенстве, отталкивая руку и протестуя против отравы, по его мнению.

– Умрешь, глупый! Это поможет.

– Выгнать тебя только поможет, – продолжает сипеть. – Что это?

– Лекарство! Поверь, пожалуйста, я не знала, что в лейке не вода.

– Как ты вообще с таким подходом выжила? – подползает он к кровати, садится на пол и закидывает голову на матрас, расцепляя челюсти.

Я немного нервничаю и трясущимися руками кладу ему таблетку на язык, а чтобы он не дернулся, мне приходится этого вредного тигра оседлать.

Я тут же даю ему запить. И когда убеждаюсь, что Ржевский таблетку проглотил, только тогда выдыхаю.

Посадят же еще за непреднамеренное убийство. А судя по квартире Макса и реакции Матецкого, он далеко не простой человек в нашем городе. А я такая молодая. Мне еще жить и жить. От страха в глазах темнеет.

– Ты как, еще не лучше? – в надежде уточняю, а Ржевский подозрительно молчит.

И только сейчас осознаю, что дыхание Макса становится каким-то странным, а я еще ко всему в нетерпении ерзаю на одном месте. Наши лица близко друг к другу: его отекшее и мое максимально испуганное.

И вот тут уже замираю я, так как подо мной начинается какая-то непонятная и активная деятельность, перерастающая в некоторую неровность или даже бугрящуюся возвышенность, которая, судя по всему, еще и каменеет.

– Мамочки, – срывается нервное с языка, и я быстро слезаю с остолбеневшего Ржевского и отползаю к тому краю кровати, с которого хорошо видно ребенка.

Зайчик не разделяет нашего замешательства, только причмокивает, лежа в коконе, и из слюней выдувает большой такой пузырь.

***

– Владислава, – тянет Макс, и я замираю от вибрирующих интонаций в его голосе. – Не делай так больше.

И вот мне сейчас интересно: не делать чего? Помогать, лить из лейки в глаза химию или…

Последнее очень щекочет мои нервы, потому что я не собираюсь ничего подобного делать с этим мужчиной. Да, вот так, именно. Одно большое ничего, которое странным образом преследует меня в последние сутки.

Смелости уточнить, что он хочет этим сказать, я в себе не нахожу, поэтому с перепугу выдаю сухое:

– Хорошо.

Но все-таки совесть еще не успевает меня покинуть совсем, и я решаюсь спросить о его самочувствии:

– Ты как?

– Тебе по десятибалльной шкале или как?

– Можно словами, – киваю и посматриваю за пускающим пузыри Зайчиком.

Что за странный народ эти дети? На улице ночь-полночь, а он лежит и улыбается своим беззубым ртом, даже темноты не боится.

А я вот даже очень боюсь. И темноты, и, как выяснилось, мужчин тоже боюсь.

– Я жив. И если сохранюсь в этом статусе до утра, считай, уже повезло, – с сарказмом проговаривает Ржевский. – Как наш король?

– Превосходно, в отличие от нас двоих.

Затем в воздухе виснет пауза. Я не знаю, что делать дальше. Одно чувствую точно: хочется сладенького. Но его нет. Поэтому, стиснув зубы, встаю и аккуратно подхожу к Максу.

Нужен же внешний осмотр.

Мужчина предусмотрительно складывает руки крестом на том самом месте, чтобы я не вздумала ничего совершить плохого. Наверное, опасается, что с такой сумасшедшей, как я, можно не только глаз лишиться, но и чего повесомее.

– Вроде так даже ничего, – я выдаю свои мысли об отеке в районе глаз.

Мне кажется, припухлость уже спала и не смотрится так страшно, как еще пятнадцать минут назад.

– Если бы ты не закрывал руками, то давно бы уже все прошло.

– Думаешь?

И тут я замечаю, как Макс смелеет и снимает свои большие ладони со штанов.

– Эй, я о глазах, Ржевский, а не о том, о чем подумал!

– Так говори яснее, тебя же не поймешь, нужен переводчик.

Он наконец находит в себе силы подняться и встать во весь рост.

– Если ты хочешь меня задеть, то не старайся, я уже слишком устала. Зайчика, так уж быть, покормлю. А то ты еще дозировку перепутаешь со смесью.

– Я не настолько безнадежен. Это ты у нас девушка как бомба с часовым механизмом. Никогда не знаешь, когда рванет.

– Подумаешь, неженка какой нашелся, – выдаю и улыбаюсь.

Только подумать. Еще с утра я собиралась расстаться со своей девственностью, подарив ее Матецкому. И если бы не мой страх, этот мерзавец снял бы все сливки, а меня непременно бы потом унизил. Пусть и не сразу. Тим не тот мужчина, которому нужны продолжительные отношения.

Ржевский склоняется над Зайчиком и внимательно всматривается в беззубую улыбку.

– Чей же ты на самом деле? – задается вопросом мужчина.

– Сделай тест ДНК. И не надо будет теряться в догадках. Хотя ты не заслуживаешь его!

– Это еще почему?

– А потому, что чужая женщина бродит по твоему дому и занимается всем, а ты только буксуешь и топишь за свою свободу, Ржевский. Ребенок тебе не нужен.

– С чего такие выводы?

– С того…

Мне не хочется сейчас тратить время на анализ его поведения. Холостяк. Богатый. Думающий вечно о работе. В его жизни нет места для Зайчика…

Я в какой-то момент с огорчением думаю о том, что мне даже жалко, что малыш не мой ребенок. Может, для того чтобы стать взрослой и более ответственной, мне не хватает именно такого милого и требовательного короля в своей жизни? И почему-то мне начинает казаться, что наше чувство взаимно. Зайчик так на меня внимательно смотрит, будто знает обо мне больше всех.

Утром я уеду домой. И этот сумасшедший день обязательно закончится. Ржевский, наверное, справится. Наймет няню, а затем отыщет эту беспринципную мамашку. Только я ничего из этого не узнаю. И от этого немного щемит в груди. Внезапно.

Глава 4

Макс

Эти безумные выходные наконец-то закончились.

Вчера я отправил свою неожиданную спасительницу домой. Вручил ей визитную карточку и чуть ли не силой подарил смартфон, который купил, когда мотался в магазин для этого маленького спиногрыза.

Владислава странная девушка. Любая другая на ее месте бы сама вырвала такой дорогой подарок из рук, эта же… чуть ли не заплакала. Да еще и намекнула, что я от нее откупился.

Что в голове у этих женщин – одному Богу известно.

Я сижу в своем кабинете и уже пятнадцать минут смотрю в панорамное окно. Ни одной мысли о грядущем заседании совета директоров, даже нет желания проверить электронную почту. Помощница боится меня потревожить, потому что знает: когда я такой, ко мне лучше не подходить и лишний раз не беспокоить.

Я бываю таким, да. Смурным, с тяжелым взглядом и плохим настроением

От нанятой няньки получил сухое сообщение о том, что ребенок сыт и спит. Ни полслова о его настроении и шалостях. И мне бы сидеть и радоваться, что я вернулся в свой привычный ритм жизни, только в груди образовалась пустота. Оглушающая. Разрушительная.

Срабатывает селектор, и помощница сообщает о том, что начальник службы безопасности давно сидит в приемной и ждет.

– Почему он до сих пор там? – отвечаю недовольно.

– Сейчас все исправлю, – быстро щебечет синицей девушка.

Двери открываются, и на пороге кабинета появляется Вадим Косарев, мой главный безопасник.

– Приветствую, Максим Филиппович.

– Садись, Вадим. Надеюсь, вы нашли что-то посущественнее на ребенка и его мать.

– Есть такое, – отвечает деловым тоном безопасник, и в его руках появляется папка с документами.

Мужчина отталкивает ее от себя, я быстро перехватываю документы и в нетерпении открываю первый лист.

«Тина Трошина, двадцать два года, состояла в отношениях с Вороновым Никитой Михайловичем».

– Я их не знаю, – второй раз пробегаю глазами по строчкам и не понимаю, каким боком эти двое, вернее, трое ко мне.

А главное, совершенно не понимаю, почему девица в письме указала, что ребенок мой.

– Знаете, Максим Филиппович. Никита Воронов был усыновлен неким Данилой Вороновым, а до этого у пацана была фамилия Ржевский.

И тут в меня словно молнией шарахает от осознания того, что сейчас, спустя столько лет, всплывает вся подноготная моего отца…

Мама совершенно случайно узнала об измене отца. Деловые командировки, задержки в вечернее время стали вызывать много вопросов у нее. И она прибегнула к услугам частного детектива.

Когда все вскрылось, мать слегла на неделю, толком ничего не ела. У цветущей женщины выперся позвоночник и проступили ребра, глаза впали, а лицо совсем осунулось.

Я тогда его ненавидел, да и сейчас не простил. Потому что мама так и не оправилась от этих измен, которые со временем переросли в количество.

Отец топчет эту землю, а ее уже как пятнадцать лет нет. Несправедливо.

– Понятно, – тяну, хотя до сих пор пазл в голове не складывается.

Есть единокровный брат, его женщина и их ребенок. Я-то тут при чем?

Мы не знакомы. И вряд ли подружимся. Я точно не собираюсь его искать и разбираться в наших несостоявшихся отношениях.

Видимо, вся противоречивость ситуации отображается на моем лице, и тогда Вадим добавляет:

– Никита Воронов – ходок. Имеет несколько судимостей. Сейчас его осудили на пятнадцать лет. Его баба решила сделать ноги, пока еще в силе и со смазливой мордой.

– Отлично они! Умельцы… – стучу по столу кулаком.

– Максим Филиппович, ребенка сдайте в дом малютки и просто сообщите во все нужные инстанции. Мы можем все взять на себя. Вы даже и не почувствуете ничего.

Я вскакиваю с кресла и меряю шагами кабинет.

– Это не «ничего», это же человек, мой, кровный…

***

– Мальчика нельзя у себя просто оставить, – с нажимом проговаривает Вадим. – Он не котенок.

Я киваю. Вся бумажная волокита по оформлению опеки та ещё мутотень. Пройти курсы, предоставить сто пятьсот бумажек. И если воспользоваться связями, процесс, вероятнее всего, ускорится, а вот что делать с его семейным положением?

Взрослому занятому мужику не отдадут мальчика. Нанятая няня не добавит очков в моем личном деле… А еще, судя по всему, Зайчик очень ценный экземпляр в доме малютки. На взгляд ребенок казался совершенно здоровым. А это красная тряпка для очереди будущих родителей, где каждый уже готов взять даже инвалида. О хитрых схемах в такой деликатной сфере, как усыновление, я наслышан.

– И трех дней не пройдет, его оформят и запустят процесс усыновления, – просматривает папку с документами безопасник.

– Но он же не сирота!

Я пытаюсь просчитать все варианты.

– Максим Филиппович, пятнадцать лет не пролетят быстро. Пока парень вырастет и папик откинется, ему останется всего три года до совершеннолетия.

Я тру пальцами виски.

И понимаю, что я не могу просто так отпустить мальчика. Конкретно этого. Моего Короля. Мои самые неудачные и неидеальные выходные оказались настолько яркими и незабываемыми, что я именно тогда себя почувствовал по-настоящему живым и не роботом.

А еще Владислава никак не выходит из головы. С хитрым лисьим взглядом, пушистыми ресницами, длинной сережкой в одном ухе, изящной тонкой шеей. Эта сумасбродная и коварная девица даже теперь ночами снится. После расставания еще толком и суток не проходит, а я уже, похоже, скучаю. По той движухе, что создают в тандеме эти двое.

– Нам нужна мама, – подвожу итог своего мозгового штурма.

– Не понимаю, – честно признается Косарев.

– Я женюсь.

– И что, кандидатура у вас имеется? – Вадим явно шокирован, смотрит на меня диким взглядом, но не спешит с выводами.

– Надеюсь. С камер наблюдения снимите фото девушки, что оставалась с ночевкой у меня. Еще можно копнуть в службе такси.

– Вы уверены, что можно ребенка доверить первой встречной.

– Этой можно. Она готова даже белье за него свое отдать и остаться голой.

Я не могу сдержать улыбку, когда думаю о девушке, красивой, отзывчивой и явно с материнством не испытывающей проблем, в отличие от кровной матрешки, бросившей сына на пороге совершенно чужого мужика.

Я до сих пор никак не возьму в толк, насколько же надо быть отбитой, чтобы совершить подобное.

– Но с чего вы решили, что она согласится?

Хороший вопрос. А главное – своевременный. Владислава молодая и амбициозная девушка, если она не побоялась кинуть этого выпендрежника Матецкого, то и меня легко пошлет. Тут надо подумать, как ее убедить. Только побыстрее.

– Найдите ее слабое место. У нее не должно быть шанса мне отказать. Вадим, ты сам сказал, у нас мало времени.

Безопасник не принимает моего решения, но не перечит. Соглашается на всю ту дичь, что только что приходит мне на ум.

Фиктивный брак вполне подходит. В настоящие мужья я не набиваюсь. Мне действительно не нужны длительные отношения, но Владислава вполне осилит и курсы, и медосмотры. Почему-то мне кажется, что за Зайчика она порвет любого. А если ей верно объяснить ситуацию, не думаю, что она откажет. В идеале я вижу это именно так, но какую реакцию вызовет подобное предложение у девушки, остается только догадываться…

***

После беседы с Косаревым пообедать решаю поехать в «Даймонд Холл».

– Добрый день, Максим Филиппович. Вам основное меню или бизнес-ланч? – администратор улыбается и ждет моего ответа.

– Давайте основное, – сухо отвечаю и прохожу в зал.

Девушка меня провожает на мое привычное место, у окна с шикарным видом на реку. Наш город она рассекает на две части: верхнюю и нижнюю.

И если ты человек бизнес-сферы, то просто обязан жить и работать только здесь, на верхушке. Старинная часть города, люксовые магазины и рестораны, элитные клубы и учебные заведения, а все, что ниже, обычно не вызывает должного трепета и уважения в моем окружении.

Из меню заказываю суп «Том-ям», филе палтуса в листьях шисо, на гарнир китайский рис, и зеленый чай.

Мне сейчас лишний кофеин ни к чему, поэтому усиленно перехожу на зеленый чай, причем совсем неуспешно. Влить себя эту траву нереально. Но я принципиально заказываю только его.

Хорошо, что рыбу практически ничем не испортить, поэтому от обеда получаю удовольствие. Откинувшись на спинку широкого кресла, наслаждаюсь прекрасными видами из окна. Тянусь рукой к чашке и начинаю пить чай небольшими глотками. Противно, жуть, аж скулы сводит.

Няня снова скидывает в мессенджер отчет о том, что с Королем все в порядке. И только собираюсь сделать еще один глоток, как меня окликают совсем неприветливо.

– Посмотри, кто тут у нас, – ехидно меня приветствует Антон Сергеевич Матецкий.

Я немногословно моргаю и жду его монолога. Потому что ему быть. Этот человек себя ведет так всегда, особенно когда что-то меняется в его окружении. – Ржевский обедает. А почему в одиночестве, а не с девушкой моего сына?

У сынка Матецкого длинный язык и пустая башка, которую так и тянет оторвать лично. Мараться жалко.

Ну что же, прекрасные виды всегда подождут. А с людьми забавно общаться, сколько в их словах и жестах эмоций неприкрытых. Главное, успевать отслеживать все одновременно.

– Не понимаю, о чем вы, Антон Сергеевич.

– Ты давай дураком не прикидывайся, – злобно бросает мне этот заносчивый и самовлюбленный мерзавец.

Но меня даже забавляет то, с каким он невероятным бесстрашием собирается мне что-то предъявить.

– Детей надо воспитывать, пока они маленькие, – ставлю чашку на блюдце и расстегиваю пиджак, немного сковывающий мои движения. – Оно знаете как бывает, вырастают неблагодарными тварями, эгоистичными, бесцельными. Катаются на папиных машинах, деньгами сорят, жизнь прожигают. Девочек обижают.

Мои слова летят точно в цель. Я замечаю, как багровеет лицо Матецкого.

– Ты сам, что ли, благодарный? Вылез из дерьма на чужих деньгах.

Это он мне намекает на то, что на моем пути встретился Полозов, который в свое время поощрял молодых да ранних, привлекая в свой бизнес. Эти деньги не были легкими. Я пять лет ишачил не на себя, но с легкой руки Аркадия Дмитриевича встал на ноги и окреп.

– Интересно получается, – держу лицо, хотя такой десерт в лице Матецкого я явно не заказывал. Надо будет переговорить с сотрудниками ресторана, чтобы впредь у моего столика никого не было. И черный список надо приложить из числа неугодных. – Как человек вашего положения не видит очевидного.

– Чего же я такого не вижу?

– Что я не ведусь на все эти дешевые провокации. Не старайтесь, лучше исполняйте свои обязательства по проектам. А то недолго попасть на штрафы.

– А ты меня не пугай, сосунок. Видел я таких, как ты, скороспелых. Только я и по сей день у штурвала, а вас на счет можно пускать, – он противно лыбится, думает, что уделал меня.

– Вам бы к врачу, – говорю нарочито заботливо. – Возраст все-таки, память бы проверить…

***

Матецкий скалится и совсем неприветливо выдает:

– Смотри, как бы тебе не потребовалось к врачу на прием.

– Угрозы не лучшая тактика, – вежливо проговариваю, хотя в душе спокойствия уже поубавилось, и нарастает желание ему вломить. Прямо здесь. Чтобы его обед сложился неудачно. А лучше довести все до несварения желудка.

Но у меня дети. Вернее, один Король. И пока ребенок на меня не оформлен, мне нельзя себя втягивать в неприятности. Хотя какое-то глубинное чутье охотно подсказывает, что я уже втянулся.

Вздорный и петушиный настрой Матецкого злит, и мне даже кажется, что на это есть причины.

Вероятно, здесь замешано упоминание об обязательствах «ЛесИндастрис».

Не боится старый хрыч. А значит, уже подсуетился и заручился поддержкой нужных людей. Интересно, кого только?

Нужно потерпеть немного. Таких, как Матецкий, прет на подвиги, когда их розовая попка прикрыта более солидными людьми. Они начинают творить всякую дичь. Чувствуют свое превосходство и безнаказанность.

– Пошел ты, сосунок! Будешь меня еще жизни учить. Да я, пока ты под стол пешком ходил, уже такими бабками крутил.

– Ваши заслуги никогда не будут забыты, – возвращаю ему его агрессию, только в более деликатной форме, намекая на посмертную выслугу перед всеми нами.

– Ах ты… – кидается Матецкий через стол и хватает меня за лацканы пиджака. – Да я же тебя этими руками…

Но он ничего не успевает сделать, потому что охранник ресторана четко выполняет инструкции своего руководства: «Никаких драк!»

Ресторан принадлежит моему другу – Яну Стембольскому. [1]Он вообще на коммерческую недвижимость заточен. Но тут с рождением близнецов он почувствовал острую необхо-

димость в своем ресторане. И заморочился так, что в детском меню присутствует несколько предложений: для аллергиков, для юных веганов, ну, и классическое.

Я еще подшучивал над ним, а сегодня сам сижу и думаю о маленьком артиллеристе, который все выходные давал залп, изрядно меня нервируя.

– Антон Сергеевич, отпустите Максима Филипповича, – охранник действует не совсем стандартно, но вполне в рамках.

Матецкий моргает несколько раз и пытается если не порвать мой пиджак, то хотя бы убить меня взглядом. Я продолжаю улыбаться и испытующим взглядом смотрю на этого козла.

Не дал мне насладиться чаем, зеленым, настоящим китайским. А я столько настраивался, и вот что теперь? Вылить?

И меня озаряет. Раз Матецкий завис, стоит его взбодрить.

И облик Владиславы очень четко нарисовался. С лейкой надо мной.

Я поднимаю чашку с блюдца и поливаю Матецкого зеленым чаем, прямо на его лысину.

– Ты что, озверел? – ошалело проговаривает этот гадкий старикашка, отпускает меня и быстрее берет салфетки, чтобы промокнуть голову и свою одежду.

– Я подумал, вам плохо. Возраст все-таки. Часики тикают…

Я сам в шоке от самого себя. В другое время я бы молча ушел от подобного наезда и такого тупого собеседника. Но сейчас я уже не уверен, что хочу спокойного выяснения отношений.

– Да что ты заладил про возраст! Ты хотя бы доживи до этого возраста.

– Доживу, – равнодушно его заверяю о своих намерениях на долгожительство.

– Посмотрим, – злобно бросает Антон Сергеевич, встает и уходит совсем.

Мне ничего не остается, как дать новое поручение для моей помощницы. Пробить все информацию об активах фирмы, в которой протирает штаны сынок Матецкого. Наверное, мне стоит расширить свой кругозор в сфере бизнеса. Чем я, в конце концов, хуже своего друга Яна Стембольского?

Отправляю сообщение помощнице в мессенджере:

«Запусти переоформление документов на юридическое лицо «ЛесИндастрис».

«А если его не продадут?»

«Ты знаешь, на какие рычаги давить. Действуй».

[1] Ян Стембольский – герой романа «Бывшие. Дурман».

Глава 5

Я просыпаюсь от орущего будильника на телефоне. И мне все это странно… Меньше чем за сутки я успеваю привыкнуть к ворчливому голосу Макса и крику маленького Зайчика. А сейчас в груди оглушающая пустота без них двоих.

Захожу в ванную, подхожу к раковине, открываю кран с холодной водой. Ледяные струи воды бьют по ладоням, и, сделав глубокий вдох и сильно зажмурившись, я опускаю лицо в живительную влагу.

Кричу. Сильно.

Затем открываю кран с горячей водой.

И когда моя собственная экзекуция окончена, дотягиваюсь рукой до полотенца.

Лицо краснеет, я просыпаюсь.

Наспех завтракаю и, собравшись с духом, выхожу на работу.

Даже если работы у меня больше нет, я хотя бы заберу свои вещи и попробую составить план своей новой жизни.

К офису «ЛесИндастрис» подхожу неохотно. На проходной пропуск срабатывает без каких-либо проблем. И в самом офисе на входе сканер мелодично дает зеленый свет.

Я все жду подвоха, но его нет.

Пока нет.

Потому что, как-только я подхожу к своему рабочему месту, замечаю Лильку из отдела менеджеров по продажам.

Девушка сидит, закинув ногу на ногу. В ультракоротком алом платье, в туфлях на умопомрачительной шпильке. Она смеется и демонстрирует моим девочкам из маркетинга золотую подвеску:

– Тим такой лапушка. Сам позвонил и назначил встречу еще вчера. Затем пригласил на ужин, а с самого утра подарил это…

– А можно о своих личных похождениях вести обсуждение не на моем рабочем месте, Лиля?!

Девушки замолкают и быстро разлетаются по своим рабочим местам, а Лилька даже не двигается, продолжает сидеть с видом королевы, скользя по моей фигуре оценивающим взглядом.

Я сегодня в длинном бесформенном пальто, замотана по самый нос большим шарфом и не накрашена.

Да. Обычно я всегда при форме. Знаки внимания от Матецкого мне грели душу и подталкивали к тому, что я хотела ему соответствовать. Дотягивать до его элитного уровня.

А сегодня мне хочется побыть человеком, обычным, настоящим и не кукольным.

– Все понятно, – с видом знатока заявляет Лилька, и только после этого девушка с грациозностью кошки сползает со стола. – Если ты такая к нему припелась, тут даже у здорового мужика хотелка отпадет.

Все тихо подхихикивают.

– Если тебя устраивает довольствоваться малым и объедками после других… – совсем неделикатно заявляю я, причем наобум, и, видимо, попадаю в больную точку, потому что Лилька фыркает и сверкает в мою сторону совершенно убийственным взглядом.

Фирсова полгода обхаживала Тима, только ему ее не хотелось, ни на сутки, ни на постоянной основе. А сейчас нервы сдали, и он решил утешиться в ее обществе.

Я не жалею. Нам точно с этим мужчиной не по пути.

Я снимаю пальто и приступаю к своим прямым обязанностям. Открываю базу контактов по клиентам, выгружаю все данные наших постоянных покупателей и перекидываю списки на откуп таргетологам нашей компании.

Наша компания – универсал на рынке. Спецтехника в лесной промышленности очень востребована. Мы не монополисты, есть конкуренты среди зарубежных компаний с аналогами. Зато на нашу технику имеется патент, и в своем сегменте мы занимаем лидирующие позиции.

– Макова, – открывается дверь из приемной генерального. – Тебя вызывают.

– Кто? – я сглатываю, потому что так и не понимаю, которому из Матецких я так срочно потребовалась.

***

Я нехотя иду. Дверь открыта лишь в кабинет Тима. Взглядом уточняю у помощницы, к нему ли мне зайти. Она кивает.

– Вызывали? – официальным тоном уточняю, а самой так противно, что аж жуть.

Видеть его не могу. Особенно после всех его высказываний в холле у лифта.

– Садись, Макова, – Тим неприятно лыбится, а затем так же, как и его ночная подружка, оценивающим взглядом скользит по моей фигуре.

Я делаю вид, что ничего не замечаю. Отодвигаю стул и сажусь за стол переговоров. Вроде как начальник. Открываю ежедневник и с готовностью послушной ученицы щелкаю шариковой ручкой.

– Записывай, – командует Матецкий, я всматриваюсь в белые незаполненные строчки, а сама боковым зрением пытаюсь понять, как я так жестоко могла ошибиться в этом мужчине.

Мне нравился его высокий рост, привлекательная внешность, и чувством юмора вроде тоже восхищалась в самом начале…

Сейчас четко осознаю, что благосостояние Тима стояло на самом последнем месте в моей таблице его положительных качеств.

Я даже его фамилию к себе примеряла – Владислава Матецкая. И один раз думала о том, какие у нас могут получиться совместные дети…

Стыдно так…

– Что писать?

– Прости меня, дорогой Тим. Я очень перед тобой виновата. Сделаю все, что прикажешь, только лишь бы загладить свою вину.

Я ведь поначалу даже успеваю написать «прости» и только потом осознаю, что творю и что этому козлу от меня требуется.

Я еще раз щелкаю ручкой и вообще ее кладу на стол, рядом с ежедневником.

– Ира, – кричит Тим своей секретарше, – закрой дверь в мой кабинет.

Девушка послушно выполняет требование директора, а я как в замедленной съемке фиксирую, что это закрывается не дверь, а словно решетка камеры.

Вздрагиваю при щелчке замка.

Потому что Матецкий не поленился встать и сделать это самостоятельно.

– Влад, чего сидим?

– Я не понимаю вас, Тимофей Антонович…

– Все ты понимаешь, просто дурой прикидываешься. Значит, Ржевскому перепало, а меня обломала? Так не пойдет.

Я с жалостью смотрю на закрытую дверь и понимаю, что без работы я теперь точно останусь, потому что Матецкий просто так не выпустит меня отсюда по доброй воле.

Я же так надеялась, что меня сегодня рассчитают. Где-то глубоко в душе верила, что все судьбоносные решения уже приняты сами собой. И что мне остается их только принять и свыкнуться.

Мягкотелая дурында! Сама ведь могла пойти в отдел кадров и написать это простое заявление на увольнение, а я сидела и ждала, вот и дождалась.

Матецкий не теряет времени даром, подходит ко мне вплотную и дергает ремень на своих брюках.

– Только играем теперь по моим правилам, Влада.

– Конечно, – киваю я благосклонно, а сама украдкой осматриваюсь, где можно что-нибудь ухватить потяжелее.

Тим берет меня за подбородок и хищным взглядом блуждает по моим губам, а затем проводит большим пальцем по нижней, немного припухшей.

Я морщусь от такого личного прикосновения и отстраняюсь.

– Голова болит, – выдаю тут же. – Кружится с самого утра, и тошнит.

Матецкий смотрит с недоверием, проверяет, вру или прикидываюсь. Я для наглядности тяну воздух ноздрями и глубоко дышу.

– Отравилась, наверное, – подвожу итог ко всему вышесказанному.

Сглатываю демонстративно, в общем, максимально играю на его чувстве брезгливости и отвращении.

Уже уверовав в свою победу, пытаюсь встать.

– Я пойду, может, даже подумаю об оформлении больничного или административного на три дня.

На радостях разворачиваюсь, что игра удается, захлопываю ежедневник, беру ручку со стола. Оборачиваюсь и понимаю, что актриса из меня никудышная.

Этот козел уже стоит со спущенными штанами, и его намерения более чем ясны и даже видны невооруженным взглядом…

***

– Куда? Стой! – кричит Матецкий, когда я с безумным взглядом подлетаю со стула и кидаюсь в противоположную от него сторону.

Мне практически удается побег, очередной.

Но я неудачно цепляюсь ногой за ножку стула и лечу на пол.

Приземление проходит не очень удачно. Вернее, совсем отвратительно, потому что я падаю лицом вниз и ударяюсь о выступающую часть стола.

Я очень терпеливая девочка, и с болевым порогом у меня все хорошо. Но сегодня точно не мой день.

От удара звенит в ушах, по ощущениям голова сейчас расколется, как грецкий орех. А мое правое веко раздувает с невероятной скоростью. Я боюсь даже дышать. Начинаю громко всхлипывать.

– Ты это чего, Макова? Не вздумай! – проговаривает Матецкий и в спешке начинает натягивать свои штаны обратно.

Я не совсем хорошо соображаю и начинаю голосить на весь кабинет.

– Больно! – я всхлипываю по-настоящему, не прикидываюсь. – Не трогайте меня!

И, видимо, такой эпизод сложно пропустить, дверь хоть в кабинете и дорогая, да и шумоизоляция на среднем уровне, но мой звонкий голос слышат все сотрудники нашей фирмы.

Реакция окружающих не заставляет себя долго ждать. Когда замок в двери щелкает, на пороге появляется Антон Сергеевич Матецкий – отец Тима.

– Какого… здесь происходит? – брань легко слетает с языка мужчины, и в целом есть от чего себе позволить ругаться по-черному.

Стул перевернут, Тим возвышается надо мной с выдернутой из брюк рубашкой, а я на полу с красным лицом и даже, возможно, с огромным фингалом под глазом (проверить свой ушиб я так и не решаюсь).

– Рехнулся?! – Матецкий-старший стервятником смотрит на родного сына. – А ты чего орешь как потерпевшая? – более тихо уже уточняет у меня мужчина.

Хотя я готова поспорить, что его воображение уже услужливо подкинуло нужный эпизод. В котором его сын меня домогается и, возможно, даже бьет в порыве страсти.

– А у меня… – я продолжаю голосить.

– Что у тебя? – спрашивают мужчины не сговариваясь.

– Производственная тра-а-авма, – я еще пуще реву. – Мне нужно в травмпункт, а еще лучше вызовите скорую помощь.

– Это еще зачем? – недовольно бурчит Антон Сергеевич, тяжело вздыхая.

– Голова болит, у меня, наверное, сотрясение…

В общем, плачу от души.

Во-первых, мне действительно больно; во-вторых, я так испугалась, что сердце до сих пор выпрыгивает из груди; в-третьих, для перестраховки врачу не помешает меня осмотреть.

Я откидываюсь спиной на боковину офисного стола и закрываю глаза.

Что же у меня за дни такие наступили суматошные? Что ни день, то очередные сюрпризы.

Я, конечно, как и все нормальные люди загадываю желания и мечтаю… Совсем недавно с мамой в телефонном разговоре упоминала о перевернувшемся грузовике с пряниками на моей улице.

Но я не такого хотела и не такое задумывала…

То неудачное свидание с Матецким, то суровый Макс с чужим ребенком, то снова Матецкий… уже двое Матецких.

Может, мне черная кошка дорогу перебежала, а я не заметила?

– Так, Тимофей, поднимай ее на руки и неси.

– Куда? – тупит мое начальство.

– Туда, на выход. Я вызову скорую. И нам как-то надо объяснить остальным, что с ней произошло.

– У кого-то просто ноги кривые и мозги, – цедит сквозь зубы недовольно Тим и поднимает меня на руки.

Я не сопротивляюсь, потому что вдруг этот козел надумает меня случайно уронить. Перелом мне совсем не нужен. Доверия Тим точно не вызывает. Поэтому я обхватываю руками его шею.

Но не забываю пояснить:

– Только не вперед ногами!

Я замечаю, как от такого милого указания Матецкий нервно дергает головой в сторону.

И мне вот его совсем не жаль, потому что не по собственной воле я к нему пришла, а меня заставило сотрудничество в рамках трудового договора.

Офис погружается в немую тишину, когда Матецкий выносит меня на руках травмированную, и только звуки жужжащего принтера подают признаки какой-то жизни.

– Ну, Макова, этого я тебе никогда не забуду… – проговаривает он так, что слышно только мне.

– Взаимно, – и тут я чувствую, что все-таки фингалу быть.

Моя скула становится каменной, а нижнее веко я начинаю видеть, совершенно не напрягая зрение.

Наверное, я сейчас похожа на жуткое страшилище, для полного эффекта горба на спине только не хватает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.